

На правах рукописи

БУРЕГА Владимир Викторович

**ГОСУДАРСТВО И
ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
В ЧЕХОСЛОВАКИИ
(1918–1938)**

Специальность 07.00.03 — Всеобщая история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2009

Работа выполнена в Отделе истории славянских народов
периода мировых войн
Института славяноведения РАН

Научный руководитель *доктор исторических наук*
Елена Павловна Серапионова

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук

Галина Павловна Мурашко
(Институт славяноведения РАН)

кандидат исторических наук

Наталья Тимуровна Энеева
(Институт всеобщей истории РАН)

**Ведущая организация: Московский государственный университет.
Исторический факультет.
Кафедра истории южных и западных славян**

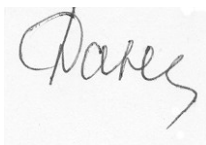
Защита состоится **20 октября 2009 г.** в 15.00 час. на заседании диссертационного совета Д 002.248.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при Институте славяноведения РАН по адресу: *119334 г. Москва, Ленинский проспект, д. 32а, корпус «В», 9-й этаж, ауд. 901–902.*

С диссертацией можно ознакомиться в диссертационном совете Института славяноведения РАН

Автореферат разослан **31 августа 2009 г.**

Автореферат размещен на сайте: <http://www.inslav.ru>

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук

С.И. ДАНЧЕНКО

© Институт славяноведения РАН, 2009 г.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Взаимоотношения государства с религиозными организациями в различных странах всегда имели свою специфику. Модели этих взаимоотношений обычно выстраиваются в зависимости от политических, конфессиональных, культурных и иных традиций каждого региона. Потому сегодня в Европе при наличии ряда общих тенденций, все же нет единства подходов в построении системы государственно-церковных отношений. Например, в Великобритании, Греции и Дании сохраняется система государственной церковности, в Германии действует так называемое умеренное отделение церкви от государства, а во Франции остается в силе радикальная форма отделения.

Для стран Восточной Европы после периода государственного атеизма является актуальной проблема поиска оптимальной модели взаимодействия государства с религиозными организациями. Сегодня в большинстве стран этого региона наблюдается тенденция законодательного закрепления особого статуса некоторых традиционных конфессий. Например, положение об особой исторической роли ряда религиозных организаций внесено в закон Российской Федерации «О свободе совести и религиозных организациях» (от 26.09.1997) и в «Закон о вероисповеданиях» Республики Болгария (от 29.12.2002). С 2002 г. в Грузии действует конституционное соглашение, оговаривающее особый статус Грузинской Православной Церкви. В 2003 г. подписано соглашение о сотрудничестве между государством и Православной Церковью в Республике Беларусь. Таким образом, политические элиты стран региона стремятся сочетать конституционный принцип отделения церкви от государства с имеющимися историческими традициями государственно-церковного взаимодействия.

Вполне очевидно, что для решения этой задачи необходимо изучение имеющегося исторического опыта. В этом отношении конфессиональная политика Чехословацкого государства в XX веке имеет особую ценность. Еще в межвоенное двадцатилетие (1918–1938) здесь была предпринята попытка построить такую модель взаимоотношений государства и религиозных организаций, которая, с одной стороны, предполагала светский характер государства и максимальное ограничение роли церкви в общественной жизни, а с другой, сохранение основных элементов си-

стемы государственно-церковных отношений, сложившейся в Австро-Венгрии. Можно сказать, что в несколько модифицированном виде эта модель продолжала существовать в Чехословакии и во второй половине XX века. Даже в годы государственного атеизма церковь здесь не была отделена от государства: священнослужители зарегистрированных конфессий получали государственную зарплату, в государственных университетах действовали богословские факультеты, церковная регистрация актов гражданского состояния имела юридическую силу и т. д. Таким образом, Чехословакия в XX века накопила богатый опыт приспособления традиционных элементов государственной церковности к новым историческим условиям. Нельзя не признать актуальность изучения этого опыта в контексте современных тенденций развития бывших социалистических стран.

Объектом настоящего исследования являются взаимоотношения Чехословацкого государства с Православной Церковью в период между первой и второй мировыми войнами.

Православие в Чехословацкой республике (ЧСР) в указанный период не было организационно единым. Здесь существовали общины нескольких канонических юрисдикций. Наиболее многочисленной была группа верующих, подчинявшихся Сербской Православной Церкви (СПЦ). Кроме того с 1923 г. в ЧСР существовала архиепископия Константинопольского патриархата. Также в республике действовали церковные общины русских эмигрантов, до 1931 г. входившие в состав Русской Православной Церкви, а затем перешедшие в подчинение Константинопольскому патриарху.

Церковные структуры разных канонических юрисдикций имели свою специфику и свою особую историю становления и внутреннего развития. По отношению к каждой из них Чехословацкое государство особым образом выстраивало свою политику.

Целью настоящего исследования является попытка комплексно представить процесс формирования и последующее функционирование модели взаимоотношений Чехословацкого государства с организационными структурами Православной Церкви, действовавшими на территории ЧСР в межвоенный период.

Для достижения этой цели в ходе исследования решались следующие **задачи**:

— выявление источников о взаимоотношении Православной Церкви и власти в межвоенной Чехословакии;

— изучение специфики этих взаимоотношений в различных регионах ЧСР;

— выявление факторов, влиявших на формирование модели государственно-церковного взаимодействия в Чехословакии;

— выявление основных характерных черт этой модели;

— выявление сфер сотрудничества власти и Церкви;

— анализ этого сотрудничества и оценка его эффективности.

Хронологические рамки исследования совпадают со временем существования так называемой первой (или домюнхенской) Чехословацкой республики, возникшей 28 октября 1918 г. и просуществовавшей до момента подписания в Мюнхене печально известного договора (29–30 сентября 1938 г.).

Территориальные рамки исследования очерчены границами первой республики. В состав этого государства входили следующие исторические области: Чехия, Моравия, часть Силезии, Словакия и Подкарпатская Русь (Закарпатская Украина)¹.

Научная новизна диссертации состоит в том, что в работе впервые в отечественной и зарубежной историографии поставлена проблема взаимоотношений органов власти Чехословацкой республики с Православной Церковью в межвоенный период. Значительное внимание уделено исследованию внешне- и внутривластных факторов, влиявших на формирование модели государственно-церковных отношений в Чехословакии.

Методология исследования. Основные цели и задачи, сформулированные в диссертации, обусловили выбор соответствующих теоретико-методологических подходов, необходимых для их решения. Методологической основой исследования являются принципы историзма и объективности. В ходе выполнения работы использовались *хронологический, син-*

1 Под «Подкарпатской Русью» или «Закарпатской Украиной» здесь и далее мы понимаем территорию современной Закарпатской области Украины, в 1919–1938 гг. входившую в состав Чехословакии. В годы первой республики этот регион носил официальное название Подкарпатская Русь. Поэтому в диссертации термины Закарпатье, Закарпатская Украина и Подкарпатская Русь употребляются как равнозначные.

хронный, диахронный и сравнительно-исторический методы.

Хронологический метод является одним из наиболее важных для избранной темы исследования. На основе изучения впервые вовлекаемого в научный оборот архивного материала автор стремился создать фактологический ряд, максимально учитывающий значимые для раскрытия темы исторические события. Хронологический метод позволил выявить достаточно большой объем фактического материала.

Для эффективности исследования хронологический метод использовался в сочетании с *синхронным*, позволяющим установить общие закономерности государственно-церковного взаимодействия в различных регионах государства, а отчасти и за его пределами. Особое внимание было уделено синхронному рассмотрению событий, имевших место в Чешских землях и в Подкарпатской Руси, в чешском православии и в церковной жизни русской эмиграции в ЧСР. Автор стремился максимально учитывать взаимосвязь процессов, происходивших в Чехословакии, с внутренней жизнью Константинопольского, Московского и Сербского Патриархатов.

Для обобщения и осмысления собранного фактического материала также использовался *диахронный* метод (метод *периодизации*). Существенные изменения, происходившие во взаимоотношениях государства и Православной Церкви в ЧСР в межвоенное двадцатилетие, позволили составить периодизацию событий, нашедшую отражение в плане диссертационного исследования.

Поскольку модель государственно-церковных отношений в межвоенной Чехословакии формировалась на основе существовавших прежде в этом регионе традиций взаимоотношения власти и религиозных организаций, в работе также использовался *сравнительно-исторический* метод. Особо актуальным для избранной темы является опыт государственно-церковных отношений в империи Габсбургов, на обломках которой было создано Чехословацкое государство.

Практическая значимость диссертации. Материалы и выводы, содержащиеся в диссертации, могут быть использованы как при изучении истории Чехии, Словакии и Закарпатской Украины, так и истории русской эмиграции в Чехословакии в межвоенный период, а также при подготовке общих курсов по истории Чехословакии. Представленный в диссертации фактический материал может быть использован для сравни-

тельного изучения различных моделей государственно-церковного взаимодействия.

Степень изученности темы. В настоящее время, как в отечественной, так и в зарубежной историографии нет исследований, специально посвященных взаимоотношениям между Чехословацким государством и Православной Церковью в межвоенный период. При этом целый ряд исследований имеют важное значение для решения поставленных автором целей и задач.

Прежде всего, необходимо учитывать общий контекст политического, экономического и культурного развития ЧСР в 1918–1938 гг. Этому этапу развития Чехии и Словакии посвящена чрезвычайно обширная литература. Главные достижения современной историографии представлены в ряде обобщающих трудов, увидевших свет в последнее десятилетие². Так как конфессиональная политика ЧСР формировалась в значительной степени под воздействием внешнеполитических факторов, автором особо учитывались исследования, посвященные международным связям первой Чехословацкой республики и особенно ее взаимоотношениям с Югославией в рамках Малой Антанты³. Также особое внимание было уделено публикациям, посвященным истории и практике государственно-церковных отношений в Чехии и Словакии, учитывая и период их нахождения в составе Австро-Венгрии, а также некоторым аспектам взаимоотношений ЧСР с различными конфессиями (прежде всего, с Ка-

2 См., например: *Rychlík J. Češi a Slováci ve 20. století. Česko-slovenské vztahy 1914–1945.* Bratislava, 1997. *Kárník Zdeněk. České země v éře první republiky (1918–1938).* Díl 1–3. první. Praha, 2000. *Olivová Věra. Dějiny první republiky.* Praha, 2000. История Словакии. М., 2003. Чехия и Словакия в XX веке: Очерки истории: в 2 кн. / [Отв. ред. В.В. Марьина]. Кн. 1. М., 2005.

3 *Hradečný Pavel. Politické vztahy Československa a Jugoslávie v letech 1925–1928 v zahraničním i vnitřním kontextu.* Praha, 1988. *Klimek Antonín, Kubů Eduard. Československá zahraniční politika 1918–1938: Kapitoly z dějin mezinárodních vztahů.* Praha, 1995. *Sládek Zdeněk. Malá dohoda 1919–1938: Její hospodářské, politické a vojenské komponenty.* Praha, 2000. *Československá zahraniční politika a vznik Malé dohody 1920–1921. Svazek I–II.* Praha, 2004–2005.

толической Церковью) ⁴.

Также большое значение для темы диссертации имеют общие исследования, посвященные истории как Православной, так и иных церквей на территории Чехии и Словакии ⁵. Специальные исследования, посвященные истории православия в ЧСР в межвоенный период, стали появляться уже в 1920-е годы. Из них особую ценность имеют книги Фр. Цицнека ⁶ и В. Григорича ⁷. Начиная с 50-х годов XX века к истории православия в ЧСР обращались студенты духовных учебных заведений ⁸.

4 *Henner Kamil, dr. Poměr mezi státem a církví v Rakousku // Česka politika. Díl první. Praha, 1906. S. 719–809. Müller Vaclav, dr. Náboženské poměry v československé republice. Praha, 1925. Bušek Vratislav, Hendrych Jaroslav, Lašotka Karel, Müller Vaclav. Československé církevní zákony. Díl. I-II. Praha 1931. Tureček Josef. Kapitoly z konfesního práva čsl. Praha, 1936. Kop Fr. Modus vivendi. Nynější stav — jeho provedení. Praha, 1937. Trápl Miloš. Politický katolicismus a Československá strana lidová v Československu v letech 1918-1938. Praha, 1990. Tretera Jiří Rajmund. Stát a církve v České republice. Kostelní Vydří, 2002. Čepliková M. Štát, cirkvi a právo na Slovensku. História a súčasnosť. Košice, 2005. Národ — Cirkve — Štát. Zostavila T. Ivantyšynová. Bratislava, 2007.*

5 См., например: *Aleš Pavel, Prof. ThDr. Pravoslavná církev u nás. Brno, 1993.* (Словацкий перевод: *Aleš Pavel, Prof. ThDr. Pravoslavná cirkve u nás. Pregľad dejinnej cesty. Preložil Mgr. Ján Zozul'ak. Prešov, 1998.*) *Скупам К.Е., проф.* История Поместных Православных Церквей. Т. 2. М., 1994. *Kadlec Jaroslav. Přehled českých církevních dějin, 2. Praha, 1991.*

6 *Cinek František. K náboženské otázce v prvních letech naší samostatnosti 1918–1925. Olomouc, 1926.*

7 *Grigorič Vladimír. Pravoslavná církev v Republice československé. Praha, 1926. Grigorič Vladimír. Pravoslavná církev ve státě Československém. Praha, 1928.*

8 *Кирилл (Поспишил), иером.* Труды епископа Горазда (Павлика) по возрождению и утверждению Православия в Чехословакии: Курсовое сочинение. Загорск, 1959. Машинопись. *Фейсак Иосиф.* Православие в Подкарпатской Руси и Восточной Словакии после Первой мировой войны: Курсовое сочинение. Загорск, 1980. Машинопись. *Фейсак Иосиф.* Миссионерская деятельность в Чехословакии и Подкарпатской Руси епископа Нишского Досифея: Стипендиатский отчет. Загорск,

В 1979 году к столетию со дня рождения епископа Горазда (Павлика) — одного из главных деятелей чешского православия в межвоенный период — в свет вышла книга протоиерея Ярослава Шуварского «Епископ Горазд»⁹. Она остается одним из наиболее полных исследований по истории православия в ЧСР в указанный период. Книга написана с привлечением обширной источниковой базы и представляет собой довольно полную хронику жизни епископа Горазда. С рядом ценных публикаций выступили также митрополит Христофор (Пулец)¹⁰ и монах Горазд (Вопатрны)¹¹. По-прежнему малоизученной остается церковная жизнь русской колонии в ЧСР. Некоторые сведения на этот счет можно найти в общих трудах по истории эмиграции¹².

1981–1982. Машинопись.

9 *Šuvarský Jaroslav*. Biskup Gorazd. Praha, 1979.

10 *Kryštof (Pulec), archimandrita*. Pravoslavný katedrální chrám sv. Cyrila a Metoděje v Praze 1935–1985. Praha, 1988. *Kryštof, arcibiskup*. Arcibiskup Sawatij a dějiny Pravoslavné církve Východního Slovenska a Podkarpatské Rusi // Pravoslavný teologický zborník. Č. XXIII/8. Prešov, 2000.

11 *Vopatrný Gorazd*. Pravoslavná církev v Československu v letech 1945–1951. Brno, 1998. *Vopatrný Gorazd*. Dědictví otců. Osudy svaté pravoslavné víry na území bývalého Československa. Praha, 1999.

12 Русские в Праге. Прага, 1928. *Серпионова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой Республике (20–30-е годы). М., 1995. *Савицкий И.П.* Прага и зарубежная Россия. (Очерки по истории русской эмиграции 1918–1938 гг.). Прага, 2002. Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословакии / Под общ. ред. Л. Белошевской. Том 1–2. Прага, 2000–2001. *Kopřivová Anastasie*. Ruská, ukrajinská a běloruská emigrace v Praze. Adresář. Praha, 1999. *Kopřivová Anastasie*. Střediska ruského emigrantského života v Praze (1921–1952). Praha, 2001. *Raeff M.* Russia Abroad. A Cultural History of the Russian Emigration 1919–1939. Oxford University Press, 1990. *Putna Martin, Zadražilová Miluše*. Rusko mimo Rusko. Dějiny a kultura ruské emigrace 1917–1991. 2 díly. Brno, 1994. Práce ruské, ukrajinské a běloruské emigrace vydané v Československu 1918–1945 (Bibliografie s biografickými údaji o autorech). 3 svazky. Praha: Národní knihovna České republiky, 1996. *Veber V. a d.* Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918–1945. Sborník studií 1-4. Praha: Seminář pro dějiny východní Evropy při

В последние годы ценный вклад в изучение новейшей истории христианских конфессий в Чехии и Словакии сделан профессором Павлом Марекем¹³. В 2004 году в Брно была издана его книга «Православные в Чехословакии в 1918–1942 годах»¹⁴. Это первое в современной чешской историографии исследование, специально посвященное истории Православной Церкви в указанный период. В отдельных главах автор рассматривает жизнь Православной Церкви в Чешских землях, Подкарпатской Руси и Словакии. В приложении опубликовано двадцать документов, выявленных в архивах и в периодической печати.

Также следует иметь в виду и ряд других исследований, посвященных жизни христианских конфессий в годы первой республики (это, например, книги М. Каяка¹⁵, В. Кадержавека и Зд. Тртика¹⁶, Д. Фридила¹⁷). Правда, истории Православной Церкви в этих изданиях уделяется

Ústavu světových dějin FF UK v Praze, 1993–1996. *Savický Ivan*. Osudová setkání. Češi v Rusku a Rusové v Čechách. 1914–1938. Praha: Akademia, 1999. *Z. Sládek, L. Běloševská a kol.* Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice (1918–1939). Praha, 1998.

13 См., например: *Marek Pavel*. Apologetové nebo kačírí? Studie a materiály k dějinám české katolické moderny. Rosice, 1999. *Marek Pavel*. Několik dokumentů k životu a dílu prof. Aloise Spisara // Státní okresní archiv Kroměříž. Archivní ročenka 1999. S. 41–57. *Marek Pavel, Červený Vladimír, Lach Jiří*. Od Katolické moderny k českému církevnímu rozkolu. Rosice, 2000. *Marek Pavel*. České schisma. Příspěvek k dějinám reformního hnutí katolického duchovenstva v letech 1917–1924. Rosice, 2000. *Marek Pavel*. K problematice církevního rozkolu v Československu v roce 1920 // Český časopis historický. Číslo 1 (99), 2001. S. 85–118. *Marek Pavel*. Církevní krize na počátku první Československé republiky (1918–1924). Brno, 2005.

14 *Marek Pavel*. Pravoslavní v Československu v letech 1918–1942. Příspěvek k dějinám Pravoslavné církve v Českých zemích a na Slovensku. Brno, 2004.

15 *Kaňák Miloslav*. Dr Karel Farský. O životě a díle prvního patriarchy církve československé. Praha, 1951. *Kaňák Miloslav*. Z dějin reformního úsilí českého duchovenstva. (Dějinná zkratka let 1800–1920). Praha, 1951.

16 *Kadeřávek V., Třík Z.* Život a víra ThDr. Karla Farského. Praha 1982.

17 *Frýdl David*. Reformní náboženské hnutí v počátcích Československé republiky: snaha o reformu katolicizmu v Čechách a na Moravě. Brno: L. Marek, 2001. (Pontes pragenses; sv. 14).

совсем немного внимания.

Еще раз подчеркнем, что проблема взаимоотношений Чехословацкого государства с Православной Церковью в указанных исследованиях специально не рассматривается. Поэтому они лишь отчасти могут помочь нам в раскрытии избранной темы диссертации.

Источниковой базой настоящего исследования послужили, прежде всего, неопубликованные материалы государственных архивов Чехии и России, освещающие процесс выработки и реализации конфессиональной политики, а также материалы нескольких церковных и частных архивов.

Документы большинства правительственных учреждений первой Чехословацкой республики хранятся в Национальном архиве в Праге (Národní archiv, NA). Для настоящего исследования особенно ценен фонд Министерства образования и народного просвещения (Ministerstvo školství a národní osvěty 1918–1945, MŠANO). При Министерстве образования действовало Государственное управление культов, которое занималось выработкой и проведением в жизнь конфессиональной политики. В фондах Министерства образования сохранилось множество документов, касающихся создания и государственной регистрации церковных общин, выработки и регистрации епархиальных уставов, открытия епархий, государственных дотаций на церковные нужды, взаимоотношений местных православных общин с церковными административными центрами за рубежом, строительства новых и ремонта старых храмов и т. п. В фонде Министерства образования, существовавшего после 1945 года (Ministerstvo školství a kultury, MŠK), сохранились также личные дела двух центральных фигур чехословацкого православия в межвоенный период епископа Горазда (Павлика)¹⁸ и архиепископа Савватия (Врабеца)¹⁹.

Для раскрытия темы исследования также исключительно важны материалы фонда Президиума Совета Министров ЧСР (Předsednictvo ministerské rady 1918–1945, PMR), так как решения по многим принципиальным вопросам конфессиональной политики принимались правительством.

В Национальном архиве находится также богатая коллекция документов, освещающих жизнь русской эмиграции в Чехословакии. Эти материалы, главным образом, сосредоточены в фонде «Русские и укра-

18 NA MŠK – osobní spisy, karton 38, Gorazd-Pavlík, biskup.

19 NA MŠK – osobní spisy, karton 202, Archiepiskop Sawatij – Vrabc.

инские эмигрантские союзы и организации в ЧСР 1918–1945» (Ruské a ukrajinské emigrantské spolky a organizace v ČSR 1918–1945, RUESO). Здесь хранятся и документы ряда церковных или близких к Церкви организаций (Братство для погребения православных русских граждан и содержания в порядке их могил в Чехословакии²⁰, Пришибрамское отделение Пражского русского православного прихода²¹, Инициативная группа по созданию украинского православного прихода в Праге²²).

При написании диссертации были также использованы фонды архива Министерства иностранных дел Чешской республики (Archív Ministerstva zahraničních věcí České republiky, AMZV). Здесь хранятся документы о взаимоотношениях Православной Церкви в ЧСР с зарубежными административными центрами, а также о церковной жизни русской эмиграции.

Ряд ценных документов отложился и в Государственном архиве Российской Федерации в Москве (ГАРФ), где хранится большая часть фондов Русского заграничного исторического архива (РЗИА), перемещенного из Праги в Москву в январе 1946 г.²³ Из собрания РЗИА для нас особый интерес представляют фонд Братства для погребения православных русских граждан и содержания в порядке их могил в Чехословакии (ф. 9027), фонд Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей (ф. 6343), переписка митрополита Евлогия (ф. 5919), документы русского прихода в Праге (ф. 9145, оп. 1, д. 811).

Из церковных архивов первостепенное значение для настоящего исследования имеет Архив Епархиального управления Оломоуцко-Брненской епархии Православной Церкви Чешских земель и Словакии²⁴. Здесь хранятся документы Чешской религиозной православной общины (1922–1930), Чешской православной епархии (1930–1950), Оломоуцко-

20 NA RUESO, karton 1, 2.

21 NA RUESO, karton 2.

22 NA RUESO, karton 63.

23 Подробнее об истории РЗИА см.: Фонды Русского Заграничного исторического архива в Праге: Межархивный путеводитель / Сост. О.Н. Копылова и др. Ред. Т.Ф. Павлова и др. Москва, 1999.

24 Archiv pravoslavné církve Olomouc (APCO). Это название является условным и принято нами по аналогии с книгой протоиерея Ярослава Шуварского. См.: *Šuvarský Jaroslav*. Biskup Gorazd. S. 248.

Брненской епархии (после 1950 года), а также документы из личного архива епископа Горазда (личная переписка, рукописи сочинений и т. п.).

Документы о церковной жизни русских эмигрантских приходов, признававших каноническую власть митрополита Евлогия (Георгиевского), в наиболее полном виде отложились в Архиве Епархиального управления православных русских церквей в Западной Европе в Париже. В частности, здесь довольно широко представлены документы о церковной жизни русских эмигрантов в ЧСР в 1920–1930-е годы.

Были частично использованы и документы нескольких частных собраний (архивы архимандрита Андрея (Коломацкого), монаха Горазда (Вопатрны), протопресвитера Павла Алеша, протопресвитера Иосифа Фейсака).

Некоторые официальные документы Православной Церкви были опубликованы уже в 1920–1930-е годы. К ним относится, прежде всего, устав Чешской православной епархии²⁵ и материалы, связанные с учреждением Пражской архиепископии в юрисдикции Константинопольского патриархата²⁶.

Из *периодических изданий*, использованных при написании работы, нужно отметить журнал «За правдой» (*Za pravdou*), основанный епископом Гораздом и выходивший в Оломоуце с 1921 по 1929 год. В 1929 году журнал был переименован в «Вестник Чешской Православной епархии» (*Věstník české pravoslavné eparchie*), который выходил в свет до 1942 года. Содержание журнала представляет собой хронику православной церковной жизни в ЧСР в рассматриваемый период.

Особо ценным источником по истории Православной Церкви в Чехословакии в указанный период является литературное наследие епископа Чешского и Моравско-Силезского Горазда (Павлика) — книги и многочисленные статьи, посвященные как собственно церковной жизни, так и государственно-церковным отношениям в ЧСР²⁷.

25 *Ustava české pravoslavné eparchie*. Praha 1930.

26 *Grigorič Vladimír*. *Pravoslavná církev v Republice československé*. Praha, 1926.

27 См., например: *Gorazd (Pavlik), biskup*. *Otázka kostelů a jiné časové otázky církevne politické*. Stav církve československé na Moravě a ve Slezsku dne 1 května 1922. Olomouc 1922. *Gorazd (Pavlik), biskup*. *O úkolech a orientaci církve československé*. Olomouc, 1922. *Gorazd (Pavlik), biskup*. *O krizi v*

В работе использованы и *мемуарные источники*: воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского)²⁸, управлявшего русскими эмигрантскими церквями в Западной Европе (в том числе и в ЧСР) в 1921–1946 гг., митрополита Вениамина (Федченкова)²⁹, проживавшего в Подкарпатской Руси в 1923–1924 гг., а также сборники воспоминаний об архиепископе Сергии (Королеве)³⁰, руководившего русским приходом в Праге в 1923–1946 гг.

Указанная источниковая база позволяет достаточно точно реконструировать процесс формирования модели взаимоотношений Чехословацкого государства с Православной Церковью в межвоенный период, а также подробно осветить характер государственно-церковного сотрудничества.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованных источников и литературы и списка сокращений.

Во **введении** обоснована актуальность избранной темы, сформулированы цели и задачи исследования, его хронологические и географические рамки, представлен анализ состояния научной разработанности проблемы и охарактеризована источниковая база исследования.

В **главе 1** «Конфессиональная ситуация в первой Чехословацкой

církvi československé. Praha, 1924. [*Gorazd (Pavlik), biskup.*] Pamětní spis o právním postavení církve pravoslavné v Republice Československé. Praha 1932. *Gorazd (Pavlik), biskup. Z díla. Ze zahovaných rukopisů připravil prof. ThDr. Pavel Aleš.* Praha, 1988. Pastýř a martyr. Sborník vzpomínek, statí a úvah o životě a odkazu svatého biskupa Gorazda k 50. výročí od jeho umučení a 5. výročí svatořečení. Olomouc, 1992–1995. *Gorazd, biskup. Teorie o nerovnocennosti lidských ras. Co život přinášel. Po první světové válce. Nebezpečí. Vilémov, 1999. Směřování. Texty a dokumenty k 80. výročí od svěcení prvního českého pravoslavného biskupa sv. Gorazda.* Olomouc, 2002.

28 *Евлогий (Георгиевский), митрополит.* Путь моей жизни: Воспоминания. М., 1994.

29 *Вениамин (Федченков), митрополит.* На рубеже двух эпох. М., 1994.

30 Памяти владыки Сергия Пражского. New York, 1987. Я возлюбил Вас... архиепископ Пражский Сергей (Королев). Автобиография. Свидетельства современников. Духовное наследие. Составитель Алевтина Окунева. М., 2003.

республике» в разделе 1.1 рассматривается положение основных христианских конфессий в ЧСР.

Созданная в 1918 г. Чехословацкая республика оказалась сколком многонациональной и многоконфессиональной Австро-Венгерской империи, объединив несколько исторических областей, весьма неоднородных как в этническом, так и в конфессиональном отношении. Уже первый закон республики провозгласил рецепцию всего материального объема прежнего австрийского и венгерского права. Поскольку до 1918 г. Чехия, Моравия и Силезия входили в австрийскую часть империи, а Словакия и Подкарпатская Русь — в венгерскую, то теперь в разных регионах единого Чехословацкого государства сохранили силу различные законодательные акты. Хотя в Конституцию ЧСР, принятую 29 февраля 1920 г., положение об отделении церкви от государства внесено не было, все же был издан целый ряд законов, направленных на ограничение роли церкви в обществе: гарантирована свобода выбора между церковным и гражданским браком, узаконен развод, разрешена кремация, запрещено использование религиозных обрядов для политической агитации, часть католических памятных дней лишена статуса государственных праздников, все зарегистрированные государством конфессии получили равное право преподавания основ своего вероучения в школах, школьные здания освобождены от имевшихся в них прежде признаков конфессиональности.

Кроме того в первые годы существования ЧСР в Чешских землях существенно уменьшилось количество членов Римско-католической церкви. Проведенная в 1921 г. перепись населения показала, что по сравнению с довоенными данными количество католиков в Чешских землях уменьшилось на 1 388 000 человек. Из них около 700 000 заявили, что не исповедуют никакой религии. Таким образом, конфессиональная карта Чехии и Моравии претерпела существенные изменения.

Раздел 1.2 посвящен расколу в Римско-Католической Церкви в ЧСР и созданию Чехословацкой Церкви. После провозглашения независимости Чехословакии по стране прокатилась волна антикатолических манифестаций. Кроме того внутри Католической Церкви началось движение за проведение коренной реформы. Созданное 28 октября 1918 г. Объединение чехословацкого католического духовенства призывало к отмене обязательности celibата, совершению богослужений на национальном языке, а также к ослаблению зависимости Католической Церкви в

ЧСР от Ватикана, отделению церкви от государства и ее полной независимости от государственных органов. В июне 1919 г. делегация Объединения посетила Рим, однако папа Бенедикт XV не удовлетворил ни одно из ее требований. Это привело к тому, что 8 января 1920 г. в Праге сторонники реформационного движения приняли решение о выходе из состава Католической Церкви и о создании независимой конфессии, получившей название Чехословацкая Церковь. Таким образом, в январе 1920 г. в Чехословакии появилась новая христианская конфессия.

Таким образом, первые годы независимости были временем заметных сдвигов в конфессиональной картине на территории Чехословакии. Во-первых, произошли существенные перемены в количественном составе действовавших на территории республики конфессий, а во-вторых, появилась на свет Чехословацкая Церковь, не имевшая прямой связи с религиозными организациями, существовавшими в Австрии. При этом государство издало ряд законов, заметно снизивших роль церкви в жизни общества.

Глава 2 посвящена процессу первоначального становления организационных структур Православной Церкви в ЧСР и участию в этом процессе государства (1918–1922). Первый раздел этой главы представляет собой краткий обзор взаимоотношений Православной Церкви с государством на территории будущей Чехословакии в годы существования Австро-Венгрии.

Хотя до середины XIX века монархия Габсбургов представляла собой католическое конфессиональное государство, все же с конца XVI–II века наблюдается определенная либерализация взаимоотношений власти с некатолическими церквями. В 1781 г. император Иосиф II издал Толерантный патент (Акт о веротерпимости), в соответствии с которым в Чешских землях была разрешена деятельность в том числе и Православной Церкви (именуемой в патенте «Греческой несоединенной»). Что касается Словакии и Подкарпатской Руси, входивших в венгерскую часть империи Габсбургов, то здесь деятельность Православной Церкви никогда не была полностью запрещена, хотя и подвергалась жестким ограничениям.

Начиная с 1848 г., империя Габсбургов постепенно трансформируется из католического конфессионального государства в светское. В тот же период наблюдался устойчивый, хотя и не очень стремительный рост количества чехов, переходивших в православие. К 1910 г. количество православных в Чешских землях составляло 1063 человека. В конце XIX – начале XX вв. были созданы православные храмы в Праге, Фран-

тишковых Лазнях, Карловых Варах и Марианских Лазнях.

Православные жители Подкарпатской Руси и Восточной Словакии формально входили в состав Карловацкой митрополии, которая фактически была лишена возможности вести пастырскую деятельность на этих территориях. Поэтому в начале XX в. поддержку местному православному населению пыталась оказывать Русская Православная Церковь. Однако венгерские власти жестко пресекали контакты местного населения с Российской империей.

К 1918 г. в Чешских землях, Словакии и Подкарпатской Руси не было ни одной зарегистрированной государством православной религиозной общины. Поэтому после провозглашения независимости чехословацкие власти воспринимали Православную Церковь на территории республики как новую конфессию, несмотря на то, что она имела в Австро-Венгрии вполне легальный статус еще с конца XVIII в.

Раздел 2.2 посвящен участию государства в создании Чешской православной религиозной общины в Праге. Проект устава этой общины был подан для регистрации в Министерство образования и народного просвещения в июле 1921 г. Министерство образования, стремясь с помощью этой общины взять под свой контроль церковную жизнь православного населения республики (прежде всего, русских эмигрантов и русинов Закарпатья), настаивало на скорейшей регистрации устава. Однако другие правительственные инстанции (например, Министерство юстиции) считали регистрацию устава преждевременной. Все же в марте 1922 года устав был утвержден правительством. Председателем общины стал доктор права Милош Червинка, а духовным руководителем — архимандрит Савватий (Врабец).

Раздел 2.3 посвящен контактам Чехословацкой Церкви с Сербской Православной Церковью. После предварительных переговоров, проведенных в Праге, СПЦ приняла решение направить в ЧСР в качестве своего делегата епископа Нишского Досифея (Васича). Он прибыл в Прагу в марте 1921 г. Это решение воспринималось правительствами ЧСР и Королевства СХС как один из факторов культурного сближения двух государств, являвшихся союзниками в рамках Малой Антанты. Потому МИД ЧСР официально подтвердил полномочия епископа Досифея, и в 1921 г. государственные органы поддерживали его миссию на территории ЧСР.

Однако приезд епископа Досифея в Чехословакию вызвал недо-

вольство со стороны как высшего руководства Католической Церкви, так и со стороны чешского политического католицизма. Депутаты парламента от Чехословацкой народной партии направили в МВД ЧСР интерpellацию, в которой квалифицировали действия Досифея как вмешательство в религиозные дела Чехословакии. Таким образом, с самого начала контакты между Чехословацкой Церковью и СПЦ оказались вовлеченными в сложный внутри- и внешнеполитический контекст.

Эта сложность в полной мере проявилась в полемике по поводу признания государством полномочий епископа Горазда (Павлика), рукоположенного в Белграде для Чехословацкой Церкви 25 сентября 1921 г. Поскольку к моменту его рукоположения ни одна община Чехословацкой Церкви еще не получила государственного признания, то и полномочия Горазда не могли быть подтверждены государством. При этом правительство Королевства СХС через своего посла в Праге добивалось скорейшего признания полномочий нового епископа, а Государственный секретариат Ватикана, наоборот, вручил послу ЧСР при Папском престоле ноту протеста, в которой квалифицировал рукоположение Горазда как антикатолическую акцию, поддержанную чехословацкими властями. В этой ситуации министр иностранных дел ЧСР Э. Бенеш принял решение не форсировать вопрос подтверждения полномочий Горазда. В результате Горазд дожидался государственного признания более года.

Эти события способствовали фактическому расколу внутри Чехословацкой Церкви. Большая часть верующих во главе с Карелом Фарским разорвала отношения с СПЦ и стала постепенно эволюционировать в сторону либерального протестантизма. Меньшая часть паствы поддержала епископа Горазда и сохранила связь с СПЦ. В июле 1924 г. Горазд заявил о своем выходе из состава Чехословацкой Церкви.

Таким образом, в 1921–1924 гг. в Чешских землях оформилась еще одна группа православных верующих. Несмотря на то, что они исповедовали православное вероучение и находились в иерархическом подчинении СПЦ, с точки зрения государства до 1924 г. они являлись членами другой конфессии — Чехословацкой Церкви.

Раздел 2.4 посвящен православному движению в Подкарпатской Руси. После распада Австро-Венгрии и прекращении государственного притеснения членов Православной Церкви в Закарпатье начался массовый стихийный выход местного населения из состава Греко-Католической

Церкви и переход в православие. Этот процесс в литературе принято называть православным движением. Если в 1910 г. по официальным данным в Подкарпатской Руси и Словакии проживало около 2 000 граждан православного исповедания, то в 1921 г. их уже только в Закарпатье было 60 599 человек (16% населения), а к 1924 г. — 100 000 человек.

Внутри православного движения религиозные мотивы тесно переплетались с экономическими и национальными. Особую остроту межконфессиональному противостоянию придавало и сохранение в регионе старого венгерского законодательства, в котором процедура смены вероисповедания и передача католических храмов в собственность других конфессий были намеренно усложнены. Лишь 23 апреля 1925 г. президент Т.Г. Масарик подписал новый закон «О взаимоотношениях религиозных исповеданий», отменивший прежние австрийские и венгерские законодательные акты и значительно упростивший процедуру перехода из одной конфессии в другую.

Несмотря на стремительный рост православного населения, в крае полностью отсутствовала какая-либо церковная организация. В 1920–1921 гг. епископ Досифей попытался создать в Закарпатье временные церковно-административные структуры. Однако, поскольку он не учитывал особенностей местного законодательства, эти структуры не были признаны государством, а большинство рукоположенных Досифеем священнослужителей не получили государственного подтверждения своих полномочий.

Связи Досифея с русофильскими политиками края (в частности, с А.Ю. Геровским), выступавшими против чешского господства в Закарпатье, а также протесты против его деятельности со стороны Ватикана, унитарских епископов и депутатов парламента от Чехословацкой народной партии заставили правительство отказаться от поддержки Досифея.

В конце второй главы автор приходит к следующим выводам.

Инициатива в процессе первоначального формирования организационных структур Православной Церкви в ЧСР принадлежала не государственным органам, а самим православным гражданам республики. Власть не поспевала за достаточно стремительным развитием событий и не могла (а порой и не решалась) взять инициативу в свои руки.

Фактическое неучастие государства в процессе первоначального формирования организационных структур Православной Церкви в ЧСР

привело к тому, что эти структуры создавались либо вообще без учета действовавшего в республике законодательства, либо с серьезными его нарушениями. Ситуация усугублялась еще и тем, что в республике сохраняли силу старые австрийские и венгерские законы. Представители власти, понимая архаичность и неэффективность этих законов, нередко закрывали глаза на многочисленные их нарушения.

Процесс первоначального формирования структур Православной Церкви также оказался вовлеченным в достаточно сложный внешнеполитический контекст: если Королевство СХС, находившееся в союзнических отношениях с ЧСР, всячески поддерживало миссию СПЦ в ЧСР, то Ватикан через хорватских, словенских и чешских католических политиков, а также через своих нунциев в Белграде и Праге старался максимально препятствовать развитию православия в республике. Не желая портить отношения с Ватиканом, МИД ЧСР максимально дистанцировался от православного движения в Закарпатье. В результате власть упустила возможность преодолеть стихийный характер этого движения.

Глава 3 посвящена спору о канонической юрисдикции Православной Церкви в ЧСР (1923 – начало 1926). В первом ее разделе рассматриваются истоки указанного спора.

В сентябре-октябре 1922 г. руководство Чешской религиозной православной общины, признававшее прежде над собой власть СПЦ, направило ряд писем в правительственные инстанции, в которых доказывалась необходимость отказа от сотрудничества с СПЦ и выгодность перехода в юрисдикцию Константинопольского патриархата.

Автор показывает, что этот шаг общины был обусловлен несколькими факторами. Во-первых, епископ Досифей явно отдавал предпочтение контактам с Чехословацкой Церковью, оставляя формирующуюся Пражскую общину на периферии своего внимания. Во-вторых, лидеры Пражской общины не могли не заметить существенных осложнений во взаимоотношениях епископа Досифея с чехословацкими властями, ясно обозначившихся на рубеже 1921–1922 гг. В-третьих, вполне очевидно, что немаловажную роль сыграл здесь и личностный фактор. Епископу Досифею стало известно, что председатель общины М. Червинка до провозглашения независимости ЧСР за ряд правонарушений был приговорен к тюремному заключению и лишен права заниматься юридической практикой. Поэтому Досифей отказался рукополагать его в священный сан.

Если Министерство образования поддержало инициативы общины, то МИД ЧСР поначалу отнесся к ним отрицательно. Чиновники внешнеполитического ведомства справедливо предвидели ухудшение конфессиональной ситуации в республике в случае вхождения части православной паствы в каноническую юрисдикцию Константинополя. Тем не менее в феврале 1923 г. после долгих колебаний МИД ЧСР решил не препятствовать стремлению архимандрита Савватия и М. Червинки посетить Константинополь.

Думается, что перемена позиции МИДа и лично Э. Бенеша была, во-первых, связана с все тем же стремлением сделать из Чешской православной общины орудие для проведения в жизнь конфессиональной политики государства. Рукоположение Савватия во епископы должно было снять проблемы в его взаимоотношениях с русскими эмигрантами, отказывавшимися от подчинения Пражской общине в силу невыясненности ее канонического статуса. Во-вторых, чешский епископ должен был постепенно распространить свое влияние на Подкарпатскую Русь и добиться в регионе стабилизации церковной жизни и ослабления античешских настроений.

4 марта 1923 г. в Константинополе патриарх Мелетий IV (Метаксакис) рукоположил архимандрита Савватия во архиепископа Пражского и всей Чехословакии. После этого конфликт между Сербским и Константинопольским патриархатами стал неизбежным.

Раздел 3.2 посвящен спору о канонической юрисдикции Православной Церкви в ЧСР, который разгорелся в 1923–1926 гг. Епископы Горазд и Досифей последовательно отстаивали права СПЦ, в то время как архиепископ Савватий и М. Червинка защищали константинопольскую юрисдикцию. Государственные органы ЧСР в 1923 г. оказали поддержку архиепископу Савватию. Фактическое устранение СПЦ от дела организации в ЧСР Православной Церкви вызвало осложнения в и без того непростых югославо-чехословацких отношениях. Белградская Патриархия через МИД Королевства СХС и посла ЧСР в Белграде начинает активно добиваться пересмотра позиции чехословацкого правительства. В результате 12 января 1924 г. в Белграде в рамках переговоров министров иностранных дел Малой Антанты Э. Бенеш обсудил с сербской стороной проблемы церковной жизни. Он заверил сербов, что Чехословацкое правительство отныне не будет препятствовать Белградской Патриархии в

миссионерской деятельности на территории ЧСР. При этом отмечалось, что как только станет возможным с канонической точки зрения создание в Чехословакии автокефальной Церкви, эта возможность должна быть реализована. В декабре 1925 года Чехословацкое государство признало единственно законной на территории республики каноническую юрисдикцию СПЦ. Архиепископ Савватий полностью лишился государственной поддержки.

Анализируя взаимоотношения Православной Церкви и Чехословацкого государства в 1923 – начале 1926 гг., автор приходит к выводу, что как возникновение, так и преодоление юрисдикционного конфликта было результатом вмешательства государственных органов во внутренние церковные дела. Однако обе конфликтующие стороны (и архиепископ Савватий, и епископы Горазд и Досифей) сами активно искали поддержки со стороны власти.

Глава 4 «Практика государственно-церковных отношений в 1926–1938 гг.» состоит из двух разделов. Первый охватывает период с 1926 по 1931 годы и посвящен процессу окончательного формирования модели взаимодействия Православной Церкви с Чехословацким государством.

Стратегической целью государства было создание в ЧСР полностью независимой (автокефальной) Православной Церкви. Первым шагом на этом пути стала начатая в 1926 г. работа по открытию двух православных епархий — Чешско-Моравской с центром в Праге и Карпаторусской с центром в Мукачево. В 1929 г. уставы епархий были утверждены государством. Чешскую епархию в том же году возглавил епископ Горазд. Процесс создания Карпаторусской епархии из-за отсутствия местных кандидатов во епископы несколько затянулся и завершился лишь к 1931 г.

Также во второй половине 1920-х гг был решен вопрос о выплате заработной платы православному духовенству. 25 июня 1926 г. Чехословацкий парламент принял закон «Об упорядочении заработной платы духовенства церквей и религиозных организаций, признанных государством», который в литературе принято называть «Закон о конгруа». В австрийском, а затем и в чешском конфессиональном праве под конгруа (от лат. — *portio congruae*) понималась доплата к церковному содержанию, которая выплачивалась духовенству государством. 17 июля 1928 г. было также издано постановление правительства ЧСР «О выплате заработной платы духовенству», которое включило Православную Церковь в число

конгруальных конфессий. Отныне православное духовенство имело право не только на гарантированную материальную поддержку со стороны государства, но и на пенсионное страхование, дотации на обучение детей, ежегодный отдых, лечение и т. д.

Таким образом, к 1931 г завершился процесс организационного становления Православной Церкви в первой ЧСР, и окончательно оформилась модель взаимоотношений Чехословацкого государства с Православной Церковью.

Раздел 4.2 посвящен описанию функционирования указанной модели в 1930-е гг. В этот период во взаимоотношениях Православной Церкви с государством на первый план вышли вопросы узкопрактического характера.

Прежде всего необходимо было окончательно решить вопрос материального обеспечения Церкви. В 1932 г. епископы Горазд и Дамаскин подали в Президиум Совета Министров меморандум, в котором просили установить ежегодные дотации, необходимые для содержания епископов, епархиальных администраций и оплаты духовного образования будущих клириков. Просьба епископов была удовлетворена, и с 1934 г. Православная Церковь начала получать государственные дотации фиксированного объема, что существенно укрепило ее материальное положение.

Другой сферой сотрудничества Церкви и Чехословацкого государства было создание в республике новых православных храмов. Благодаря государственной поддержке Чешская епархия сумела получить в свое распоряжение бывший католический костел в Праге, в котором был создан православный кафедральный собор. В Закарпатье местные власти, стремясь преодолеть межконфессиональное противостояние, предоставляли православным общинам материалы для строительства церквей либо по сниженным ценам, либо даже бесплатно. Также Министерство образования выделяло губернатору Подкарпатской Руси средства (хоть и незначительные) на поддержку строительства православных храмов.

К 1938 г. количество православных граждан ЧСР приблизилось к 150 тысячам. По данным на 1932 г. в Чешских землях действовало 11 православных приходов, в Подкарпатской Руси — 93, в Словакии — 14. В Чешских землях в муниципальных и городских школах основы православного вероучения преподавались на 75 специальных отделениях, а также на четырех отделениях в средних школах.

Таким образом, в 1930-е гг. основными направлениями сотрудничества Православной Церкви и государства были строительство храмов и материальное обеспечение Церкви. При этом можно видеть определенную диспропорцию внутри этого сотрудничества. Государство очевидным образом оказывало Церкви поддержку в тех регионах, где это имело особое политическое значение. Так, создание кафедрального собора в Праге должно было продемонстрировать Югославии лояльное отношение ЧСР к Православной Церкви, а строительство храмов в Подкарпатской Руси вело к нейтрализации в крае античешских настроений и преодолению межконфессионального противостояния.

Глава 5 посвящена церковной жизни русских эмигрантов в Чехии. Раздел 5.1 повествует о так называемой «русской акции» Чехословацкого правительства, начатой в соответствии с распоряжением правительства ЧСР от 28 июля 1921 г. Была оказана существенная поддержка русским студентам, научным работникам, писателям, журналистам и деятелям культуры, а также земледельцам (крестьянам и казакам). Наибольшую поддержку в ЧСР получили представители партии эсеров. К правому лагерю эмиграции отношение правительства ЧСР всегда было настороженным. Эта настороженность распространялась и на представителей православного духовенства. Потому «русская акция» не предполагала оказание помощи церковным организациям.

Раздел 5.2 повествует об организации приходской жизни в Праге в 1920–1923 гг. В течение этого времени митрополит Евлогий (Георгиевский), управлявший русскими эмигрантскими приходами в Западной Европе, последовательно назначал в Прагу трех настоятелей (протоиереев М. Стельмашенко, Г. Ломако и Г. Спасского). Однако наладить приходскую жизнь в Праге удалось лишь к лету 1923 года. 30 августа 1923 г. митрополит Евлогий издал указ о назначении настоятелем Пражского прихода епископа Сергия (Королева), который трудился в этой должности до 1946 г.

Раздел 5.3 посвящен проблеме правового статуса русского эмигрантского прихода. В эмигрантском приходе в Праге велась регистрация крестин, венчаний и отпеваний. Однако, поскольку приход не имел государственного признания, все издававшиеся здесь документы с точки зрения чехословацких властей не имели юридической силы. После создания Чешской религиозной православной общины архимандрит Савватий при

поддержке органов внутренних дел попытался взять в свои руки регистрацию актов гражданского состояния эмигрантов. Однако МИД ЧСР, курировавший «русскую акцию», выступил против принудительного подчинения русских эмигрантов архиепископу Савватию.

Митрополит Евлогий, дабы разрешить конфликтную ситуацию, рекомендовал членам Пражского прихода регистрировать рождения, браки и смерти в местных органах гражданской власти, а затем совершать соответствующие церковные обряды и делать записи в метрических книгах прихода. Этот порядок регистрации актов гражданского состояния был принят в русском приходе в течение всего рассматриваемого периода. При этом русский приход продолжал существовать как религиозная организация, не признанная государством.

Раздел 5.4 посвящен проблеме русского церковного имущества в Чехии. Государственные органы ЧСР, хотя и признавали право прежних собственников на владение церковным имуществом, все же не передали имущество, конфискованное в годы первой мировой войны, в распоряжение русского прихода. Проблема русского имущества в ЧСР оказалась вовлеченной в сложный внешнеполитический контекст. Советская власть, национализировавшая церковную недвижимость в России, считала себя правопреемницей и зарубежного церковного имущества. В свою очередь Чехословацкое правительство стремилось удерживать в своих руках контроль над русской церковной собственностью, рассматривая ее в качестве возможной компенсации за тот материальный ущерб, который советская национализация нанесла гражданам ЧСР, обладавшим имуществом в дореволюционной России. Поэтому все обращения русского прихода в МИД ЧСР с просьбой о получении в свое распоряжение храмов на чешских курортах не имели успеха.

Не найдя поддержки в высших органах власти, представители русской колонии пытались действовать через местные судебные органы. Однако судебные решения, принятые в пользу русского прихода в 1924 и 1932 гг., затем были аннулированы.

Анализируя взаимоотношения русского прихода с чехословацкими властями, автор приходит к выводу, что в 1920-е гг. отношение органов власти к русской общине прошло заметную эволюцию. Если до начала 1923 г. МИД ЧСР полагал, что эмигрантов следует включить в состав формирующейся в Праге Чешской православной общины, то в июле

1923 г. государство от этой идеи отказалось. Вместе с тем МИД ЧСР последовательно блокировал попытки эмигрантов получить в свою собственность церковную недвижимость в Чехии. Однако, несмотря на то, что русский приход так и не был зарегистрирован, а также не смог получить в свое распоряжение курортные храмы, его положение было достаточно прочным.

Заключение. Уже в период первоначального становления церковных структур в ЧСР заявили о себе существенные различия между православной паствой в Чехии, Моравии и Подкарпатской Руси. Это многообразие усиливалось и наличием в Чехии русской эмигрантской колонии, жившей своей особой внутренней жизнью. Поэтому о «чехословацком православии» можно говорить лишь условно. Реально в республике существовало несколько групп верующих, очень сильно отличавшихся друг от друга.

Государство поначалу не имело четкой концепции взаимоотношений с Православной Церковью, поэтому до 1922 года структуры Православной Церкви в ЧСР формировались стихийно. Государство не владело инициативой в этом процессе. В результате в республике оформилось четыре группы православных верующих, три из которых признали над собой каноническую власть Сербской Православной Церкви, а четвертая (русские эмигранты) сохранила связь с Русской Православной Церковью. Указанные группы развивались независимо друг от друга.

С 1922 года Государственное управление культов при Министерстве образования начинает достаточно последовательно проводить курс на подчинение всех православных верующих на территории ЧСР пражскому административному центру. Проводником государственной политики по отношению к православному населению республики должна была стать Чешская религиозная православная община во главе с архимандритом (позже — архиепископом) Савватием.

По мнению автора, именно стремлением государственных органов ЧСР реализовать этот курс следует объяснять поддержку, оказанную Чешской общине в начале 1923 г. не только Министерством образования, но и Министерством иностранных дел ЧСР. Власть поддержала желание общины выйти из юрисдикции СПЦ и перейти в подчинение Константинопольскому патриарху.

Однако объединение под руководством архиепископа Савватия всех православных в ЧСР оказалось невозможным, прежде всего, в силу

указанной разнородности православного населения. Как большинство русинов Закарпаття, так и русские эмигранты отказались подчиниться Пражскому архиепископу. При этом рукоположение Пражского архиепископа в Константинополе привело к конфликту между Сербской и Константинопольской Церквями. В результате МИД ЧСР отказался от поддержки архиепископа Савватия. Эдвард Бенеш дал сербской стороне гарантии, что правительство ЧСР не будет препятствовать СПЦ проводить свою миссию на территории Чехословакии.

Таким образом, государство открыто вмешалось в спор о канонической юрисдикции в чехословацком православии. Разрешение этого спора в пользу Сербской Церкви в значительной степени было обусловлено внешнеполитическими факторами. Чехословакия, являясь союзницей Королевства СХС в рамках Малой Антанты, пошла навстречу требованиям СПЦ, которую поддерживали югославские политические круги.

Во второй половине 1920-х гг. после преодоления юрисдикционного кризиса была продолжена совместная работа церковных и государственных органов по окончательному оформлению организационных структур Православной Церкви в республике. В результате к началу 1930-х гг. окончательно оформилась модель взаимоотношений Православной Церкви и Чехословацкого государства, которая успешно функционировала в 1931–1938 гг. Можно отметить следующие характерные черты этой модели:

1) Церковь не была отделена от государства. При этом государство не отождествляло себя ни с одной из конфессий, стремясь сохранить равноудаленность от всех зарегистрированных церквей.

2) Решения по основополагающим вопросам церковной жизни (открытие епархий, создание общин, избрание епископов, избрание или назначение настоятелей храмов и монастырей) предполагали обязательное государственное утверждение.

3) Церковная регистрация актов гражданского состояния (рождений, бракосочетаний, смертей) имела юридическую силу для государственных органов.

4) Государство в случае необходимости могло брать на себя решение внутренних организационных проблем Православной Церкви (как это было, например, в 1925 г.).

5) Государство выплачивало заработную плату духовенству,

удовлетворяющему условиям, сформулированным в соответствующих законодательных актах.

6) Государство выделяло дотации на административные и иные нужды Церкви. С 1934 г. эти дотации имели фиксированный размер.

7) Церковь имела право преподавать основы своего вероучения в государственных школах для детей из православных семей.

Модель государственно-церковных отношений в первой Чехословацкой республике стала органичным развитием модели, существовавшей в Австро-Венгрии. Можно сказать, что наметившийся в Австро-Венгрии в XIX веке процесс уравнивания в правах всех признанных государством конфессий пришел в первой Чехословацкой республике к определенному логическому завершению.

В ЧСР сохранялся и один из основополагающих принципов австрийской конфессиональной политики — стремление максимально ограничить связи местных конфессий с зарубежными административными центрами. Этот тезис хорошо иллюстрирует ситуация в Подкарпатской Руси. Государство с большой осторожностью пускало сюда сербских епископов. Потому составной частью модели, сложившейся к 1930-м годам, был отказ от института делегатов СПЦ и назначение в Закарпатье постоянного епископа.

Особый статус имели церковные структуры, созданные в ЧСР русскими эмигрантами. Они сохранили каноническую связь с русскими церковными властями за границей, отказавшись от подчинения как архиепископу Савватию, так и епископу Горазду. Русский приход, распространявший свою каноническую власть на эмигрантов, проживавших в Чехии и Моравии, существовал в межвоенный период как организация, непризнанная государством. Неопределенный юридический статус русского прихода не позволил эмигрантам получить в свою собственность русское церковное имущество в Чехии. Тем не менее приход имел возможность свободно существовать и совершать богослужения в течение всего рассматриваемого периода.

Главной целью как государственных органов, так и церковных деятелей было получение Православной Церковью в ЧСР автокефального статуса. Однако в межвоенный период процесс организационного становления Церкви не был завершен. Потому достичь полной независимости не удалось. К решению этой задачи Церковь и государственные органы

Чехословакии вернулись уже после окончания второй мировой войны.

Апробация исследования. Диссертация и автореферат обсуждены в Отделе истории славянских народов периода мировых войн Учреждения Российской академии наук Институт славяноведения РАН. Основные положения и выводы исследования отражены в выступлениях на конференциях:

1. Международная конференция «Государство, религия, общество: исторический опыт и современные проблемы» (Москва, апрель 2005 года).
2. Международная научная конференция «Российские ученые гуманитарии в межвоенной Чехословакии» (Москва, июнь 2005).
3. Международная конференция «Правовое положение русской эмиграции в 1920–1930-е годы» (Санкт-Петербург, октябрь 2005).

Работы соискателя по теме диссертации

I. Работы, опубликованные в ведущих российских журналах из перечня, утвержденного ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. *Бурега В.В.* Взаимоотношения русского православного прихода в Праге с государственными органами Чехословакии (1921–1938) // Славяноведение. 2007. № 4. С. 29–45.

II. Другие публикации:

2. *Бурега В.В.* Проблема юрисдикции Православной Церкви в Чешских Землях в XX веке // Церковно-исторический вестник. № 9. М., 2002. С. 154–185.
3. *Бурега В.В.* Епископ Вениамин (Федченков) и православное движение в Закарпатье первой половины 1920-х годов // Церковь и время. № 1(26). 2004. С. 214–271.
4. *Бурега В.В.* Письмо «неизвестного» лица из Праги митрополиту Евлогию // Церковь и время. № 3(28). 2004. С. 247–258.
5. *Бурега В.В.* Епископ Сергей (Королев) и процесс становления русского эмигрантского прихода в Праге (1922–1923) // Хранители веры православной. Из жизни двух представителей Русской Православной Церкви в Чехии –

- священника Николая Рыжкова и владыки Сергия. Прага, 2004. С. 72–82.
6. *Бурега В.В.* Русский храм на Чешской земле: Из истории русского православного храма святых первоверховных апостолов Петра и Павла в Карловых Варах // Церковь и время. № 2(35). 2006. С. 90–108.
 7. *Бурега В.В.* Правовое положение русского православного прихода в Праге (1921–1939 гг.) / Правовое положение русской эмиграции в 1920–1930-е годы. СПб., 2006. С. 274–288.
 8. *Бурега В.В.* Горзд (Павлик), священномученик, епископ Чешский и Моравско-Силезский // Православная энциклопедия. Том XII. М., 2006. С. 88–92.
 9. *Бурега В.В.* Каноническое положение русского православного прихода в Праге в период между первой и второй мировыми войнами // Вестник Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина. Вып. 12: Историко-культурное наследие (1). Елец, 2006. С. 30–37.
 10. *Бурега В.В.* История создания Братства для погребения православных русских граждан и содержания в порядке их могил в Чехословакии // Rossica: Научные исследования по русистике, украинистике и белорусистике. Прага, 2007. С. 123–137.
 11. *Бурега В.В.* Досифей (Васич), исповедник, митрополит Загребский // Православная энциклопедия. Том XVI. М., 2007. С. 51–52. (В соавторстве с иеродиаконем Игнатием (Шестаковым)).
 12. *Бурега В.В.* Чехословацкое государство и православное движение в Подкарпатской Руси (1919–1922) // Славянский альманах 2008. М.: «Индрик», 2009. С. 207–219.

Подписано в печать 16.06.2009
Объем 1,5 п.л. Тираж 100 экз.
Компьютерный центр ИСл РАН – titlen@mail.ru